

— Ты смог бы выходить на улицу, учиться с людьми, которые не являются преступниками, ездить в город, -

— С нянями, я уверен, — отметил Кадзуки.

— ...в конце концов, ты сможешь жить нормальной жизнью, как только закончишь учебу, — закончил Нэдзу, как будто он вообще ничего не говорил.

— Да, как "герой", верно? — ответил он, изображая пальцами кавычки. — Что в данном случае является другим словом, обозначающим раба или что-то в этом роде. В этой нормальной жизни, о которой ты говоришь, я не смогу найти нормальную работу, не так ли? Герой - это единственное, кем мне будет позволено быть, не так ли? И если я откажусь, тогда мы вернемся в дыру. Скажите мне, что я неправ, мистер Крыса.

Последовавшая тишина была очень красноречивой, но существо казалось невозмутимым. На самом деле раздражало, что Кадзуки даже не мог уловить ни гнева, ни разочарования. Там ничего не было, и это только усиливало его раздражение с течением времени. Что случилось с этой... штукой?

[}-o-{]

— Я не могу в это поверить! — продолжал разглагольствовать его отец, когда мальчик закрыл глаза, сдерживая гримасу и слезы. Гнев, как обычно, был эмоцией, исходящей от его единственного оставшегося родителя. Прошел целый год с тех пор, как он в последний раз видел свою мать. — Ты действительно ребенок этой женщины. Почему ты не можешь придумать что-нибудь получше?

Газета шлепнулась на стол, и Кадзуки приложил титанические усилия, чтобы не подпрыгнуть от громкого звука.

Это была не его вина. Это не его вина, что все остальные так нервничали, что он не мог сосредоточиться на экзамене. Может быть, если бы он хорошенько выспался ночью, вместо того чтобы слушать, как его отец бубнит о том, какая ужасная мать у мальчика. Или, может быть, если бы ему не нужно было заботиться о себе, так как его отец всегда работал.

Но его отца это не волновало.

Мужчина видел в нем только свою мать. Кадзуки знал это, поскольку чувствовал тот же гнев, что и тогда, во время их ссор, на этот раз направленный на себя. И, к сожалению, мальчик

также знал, что его мать была бы не лучше его отца.

Возможно, ему не следовало отвлекаться на чужие чувства.

Возможно, это помешало бы отцу ударить его. Но факт был в том, что он это сделал. И в следующую секунду мальчик лежал на полу, прижимая руку к щеке, по которой ударила ладонь отца, чувствуя жгучую боль на коже.

[}-o-{]

— Ты выбросил это из головы? — Спросил Нэдзу, и Кадзуки чуть не вытаращился на него. Прозвучало ли это... забавно? — Ты злишься из-за того, что произошло, из-за твоей причуды, из-за твоего детства.

Кадзуки хотел бы использовать свою причуду на этом ублюдке, говоря так, будто он что-то о нем знает. Как будто все, что он читал о его жизни, могло соответствовать действительности. Увы, он не мог, потому что был уверен, что за дверью находится по крайней мере один герой высшего уровня. В конце концов, он мог чувствовать их настороженность.

Он почувствовал, что теряет контроль над своими эмоциями. Ленивая улыбка, которую он сохранял на лице, медленно превратилась в ровную линию. Его руки сжались в кулаки, когда он подавил желание использовать свою причуду. Охранники этого бы не оценили.

— И ты злишься, потому что ты прав, — добавил Нэдзу, чем сумел шокировать Кадзуки и вывести его из себя. — Это именно та сделка, которую тебе предлагают.

Почти готовый отбросить осторожность, он почувствовал, что его причуда начинает срабатывать. Тень под его стулом потемнела, превратившись в черное как смоль пятно на полу и увеличиваясь в размерах. Нэдзу насмехался над ним? Поэтому он ничего не почувствовал? Парню было весело?

— Это все еще ваш единственный шанс, мистер Эндо, — продолжало говорить существо, не подозревая о том, что происходит под подростком. Хотя часть сознания мальчика задавалась вопросом, почему охранники до сих пор не вмешались. Наверняка они видели это через камеры. — Если ты не согласишься, то останешься здесь еще на несколько лет, как, я уверен, ты знаешь. Однако я сомневаюсь, что у тебя будет много вариантов даже после выхода.

— Итак, это твоя игра? Угрожать мне, чтобы я стал марионеткой? Жизнь без свободы или вообще без жизни? Должен сказать, замечательные варианты, — сказал Кадзуки, гнев и горечь

медленно покидали его голос. В конце концов, он сдался, и единственное, что осталось, - это пародия на улыбку и смирение.

Он держался изо всех сил, надеясь вопреки всему, что когда-нибудь будет свободен. Что кто-нибудь увидит, что произошло на самом деле, и, возможно, выпустит его пораньше. Что система вразумится и даст ему шанс. Однако к тому времени он уже знал, что этого никогда не произойдет.

Даже когда его предложение будет закончено, кто когда-нибудь посмотрит на него и не увидит его прошлого? Что он сделал? Чему он был причиной?

— Мне жаль, — сказал Нэдзу, выражение лица существа чуть изменилось. Хотя, если бы не его причудливое чутье, Кадзуки никогда бы не догадался, что ему действительно было плохо. Что ему действительно было стыдно и он чувствовал себя виноватым. — Но это лучшее предложение, которое я был уполномочен вам сделать. Что касается всего остального, у меня связаны руки.

Руки Кадзуки снова сжались в кулаки.

Темнота росла, начиная прямо под его стулом и заканчивая тем местом, где она покрывала землю и стену позади него. Тонкие фигуры двигались в тени, как будто протягивая руки. Рычание эхом разносилось по комнате, пока Кадзуки и Нэдзу оставались в тишине. Однако маленькое существо не испытывало страха перед мерзостями, которые угрожали ему.

Затем плечи мальчика опустились, и он откинулся на спинку стула. Темнота рассеялась, как пыль на ветру, и комната вернулась в нормальное русло.

— Какой вообще теперь в этом смысл? — спросил он себя.

— Конечно, — сказал он затем, одарив Нэдзу самой пустой улыбкой, которую он когда-либо видел на своем лице. — Что мне в любом случае терять, верно?

— Я рад, что ты согласился. — Директор улыбнулся, но Кадзуки почувствовал скрытое за этим бессилие. Затем, к шоку мальчика, Нэдзу наполнился болью и, что более важно, абсолютной, неконтролируемой яростью. Он был еще больше удивлен, увидев, что внешне с существом ничего не изменилось. — И еще, поверьте мне, когда я говорю, что я точно знаю, каково это - оказаться в совершенно несправедливой ситуации, подобной вашей.